

РЕЦЕНЗИИ

**Сумбурная репрезентация
междукняжеских отношений в Древней Руси***Е. Н. Дербин*

Для цитирования: Дербин Е. Н. Сумбурная репрезентация междукняжеских отношений в Древней Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 286–300. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.118>

В рецензии представлен анализ монографии Д. А. Боровкова «Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии». Эта монография претендует на широкие обобщения исследуемой темы, одной из ключевых в отечественной исторической науке о Средневековье. Ее автор ставит перед собой цель дать «новое рассмотрение вопроса о сути междукняжеских отношений на начальном этапе их развития с тем, чтобы, по возможности, определить степень соответствия “материала источников” какой-либо из упомянутых историографических теорий, очерчивающих поле настоящего исследования». Здесь обнаруживается главный недостаток монографии. Показанные в ней историографические теории малообоснованны, содержат массу ошибок, пробелов, часто представляя собой набор сумбурных фраз и выводов. Историческая часть работы выглядит лучше. Автор порой смело разрешает мелкие вопросы, касающиеся, например, того, кто из князей где и когда княжил. Но чаще он ссылается на мнение А. А. Шахматова, и доверяет ему априори, или на текстологические реконструкции других исследователей. Таким образом, монография выглядит как умелая компиляция из источниковедческих заключений многих исследователей. Выводы, к которым приходит Д. А. Боровков следующие. Междукняжеские отношения в Древней Руси с момента первого раздела княжений Святославом Игоревичем в 970 г. представлены как развитие коллективного совладения, где представители княжеского рода, имевшие право на участие в управлении, являлись равноправными. Только на рубеже XI–XII вв. в Печерском монастыре была сформулирована доктрина о приоритете «брата старейшего», которая в источниках была перенесена на предшествующий период. Однако борьба «младших» князей за реализацию своих прав в управлении сделала

Дербин Евгений Николаевич — канд. ист. наук, доц., Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация, 426069, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. Студенческая, 11 корп. 1; derbin80@mail.ru

Derbin Eugene N. — PhD in History, Associate Professor, Izhevsk State Agricultural Academy, 11 bldg. 1, ul. Studencheskaya, Izhevsk, 426069, Russian Federation; derbin80@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

политически актуальным в этот период «отчинный» принцип наследования, провозглашенный в качестве официальной доктрины на Любечском съезде 1097 г. Стремление же князей к единоличному правлению воспринималось негативно. Где здесь новое рассмотрение вопроса о сути междукняжеских отношений, рецензенту осталось непонятным, как непонятен и финальный вывод автора, противоречащий всей работе, — о том, что междукняжеские отношения на Руси могут быть охарактеризованы как родовые.

Ключевые слова: междукняжеские отношения на Руси, историография Древней Руси, родовая теория, земско-вечева теория, князя Рюриковичи, *старейшинство*.

Chaotic Representation of the Relationships between Princes in the Ancient Rus'

E. N. Derbin

For citation: Derbin E. N. Chaotic Representation of the Relationships between Princes in the Ancient Rus'. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 1, pp. 286–300. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.118>

The review analyses the monograph by D. A. Borovkov “Relationships between princes in Rus’ in the late X — in the first quarter of the XII century and their representation in the sources and historiography”. The work professes to contain general conclusions with respect to the research topic, which is a pivotal topic in the Russian historiography of the middle ages. The author aims at “reconsidering the question of the essence of the relationships between princes during the initial stage of their development with a view to determining the degree of correspondence between the “material of the sources” and any of the historiographical theories related to the field of research, if possible”. This is where the main drawback of the monograph lies. The historiographical theories the monograph refers to are not substantiated; contain numerous errors, gaps; often represent frequently confused phrases and conclusions. The historical part of the work looks better. The author sometimes boldly resolves minor issues relating to, for example, the questions about where and when a particular prince reigned. However, the author, more often relies on the opinion of A. A. Shakhmatov, trusting him a priori, or refers to the textual reconstructions of other researchers. Thus, the monograph presents a skillful compilation from historiographical conclusions by many researchers. The findings of Borovkov are the following. The relationships between princes in Rus’ since the first division of principalities by Svyatoslav Igorevich in 970 are presented as the development of collective co-ownership where the members of the princely family, who had the right to participate in management, were equal. Only at the turn of the XI–XII centuries the doctrine of the priority of “the oldest brother”, which the sources was associated with the preceding period, was formulated in Pechersk monastery. However, the struggle of “younger” princes for their rights made the “votchinny” (patrimonial) principle of succession proclaimed as the official doctrine at the Council of Liubech in 1097 politically relevant during that period. The princes’ aspirations to individual power was perceived negatively. It remains unclear to the reviewer where the author reconsiders the questions of the essence of the relationships between princes and why he arrives at the final conclusion, contradicting the whole work, that the relationships between princes in Rus’ can be characterized as kinship.

Keywords: relationships of princes in Rus’, historiography of Ancient Rus’, kinship theory, zemsky-veche theory, princes of the Rurik dynasty, *stareyshinstvo*.

В 2016 г. в крупном научном издательстве «Алетейя» вышла монография Д. А. Боровкова «Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии». Данное произведение, насколько известно, тематически продолжает и подытоживает две предыду-

щие книги автора¹. Не думаю, что в данной рецензии стоит касаться этих работ, так как посвящены они частным вопросам в отличие от рецензируемой книги, претендующей на широкие обобщения исследуемой темы. Хотя во введении автор делает оговорку о том, что «работа над текстом была завершена в начале 2013 г.», свою актуальность его книга не теряет. Во всяком случае проблема междукняжеских отношений в Древней Руси, одна из ключевых в отечественной исторической науке о Средневековье, не считается еще решенной, а полноценной ее историографии до сих пор не существует. Мне как специалисту по историографии данной проблемы² хотелось бы больший акцент сделать именно на этой стороне работы. А она на сегодня крайне показательна, часто демонстрируя невежественное отношение к предшественникам. К сожалению, это встречается даже у маститых современных историков, у которых учится молодое поколение исследователей. Д. А. Боровков уже не начинающий историк и списывать на молодость его возможные ошибки, думаю, нельзя. Иначе выявленные недостатки могут повторить другие исследователи. Поэтому, да простит меня автор, в своем отзыве на его работу я буду критичен, как и подобает рецензенту.

Монография состоит из введения, двух сильно не равных по объему глав, заключения, списка сокращений и примечаний. Во введении, которое, к слову, занимает практически одну страницу, что крайне незначительно, автор пытается представить актуальность, круг историографических теорий, хронологические рамки исследования и ставит перед собой цель и задачи. Все правильно, если бы не два «но». Во-первых, краткость, к которой непонятно зачем прибег Д. А. Боровков, не позволяет четко понять цель и задачи исследования, как и хронологические рамки. Так, он ограничивает изучение междукняжеских отношений на Руси периодом «с момента введения в политическую практику рода Рюриковичей территориальных разделов в начале 970-х гг. до кончины в 1125 г. киевского князя Владимира Мономаха, в княжение которого сложились “Повесть временных лет” и памятники Борисоглебского цикла — основные источники, зафиксировавшие начальные этапы развития междукняжеских отношений»³. О каких начальных этапах идет речь? К концу X в. княжеским отношениям в рамках Руси было уже больше века, а с кончиной Владимира Мономаха они вряд ли как-то кардинально менялись. Или они возникают на пустом месте? В распоряжении исследователей данной проблемы на сегодня есть разнообразные источники, в том числе материальные, которые нужно соотносить друг с другом, проводить серьезную источниковедческую работу. Строить же анализ скудных фактов только на основных источниках, будь то «Повесть временных лет» или агиографические памятники, — нельзя. Это понимали еще историки прошлых веков. Во-вторых, демонстрируя наличие историографической теорий междукняжеских отношений, Д. А. Боровков излагает их очень неясно и делает ошибки, после чего ставит зависимую от них цель своего исследования — «новое рассмотрение вопроса о сути междукняжеских отношений на начальном

---

¹ Боровков Д. А.: 1) Тайна гибели Бориса и Глеба. М., 2009; 2) Владимир Мономах, князь-мифотворец. М., 2015.

² Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007.

³ Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. СПб., 2016. С. 6.

этапе их развития с тем, чтобы, по возможности, определить степень соответствия “материала источников” какой-либо из упомянутых историографических теорий, очерчивающих поле настоящего исследования»⁴. Какие же это теории?

«Изучение междукняжеских отношений на Руси является одной из ключевых тем отечественной историографии, первоначально разрабатывавшейся в рамках общих трудов по русской истории (начиная с В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого и др.)⁵, а с середины XIX века — в рамках монографических исследований широкого теоретического спектра, включавшего попытки их интерпретации с точки зрения родовой (И. Ф. Г. фон Эверс, А. Ф. М. фон Рейц, С. М. Соловьев и др.)⁶, или договорной теории (Б. Н. Чичерин, В. И. Сергеевич и др.), либо в контексте теории земско-вечевых отношений, ориентированной на раскрытие социальных функций княжеской власти и ее взаимоотношений с обществом, представленным в виде совокупности волостных общин (И. Д. Беляев, В. И. Сергеевич, Н. И. Костомаров и др.)⁷. Во второй половине XX в. сложилось представление о междукняжеских отношениях в рамках вассалитета-сюзеренитета (С. В. Юшков, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин и др.), что способствовало их наполнению «феодальным» содержанием⁸. В условиях теоретического и методологического плюрализма, сложившегося в современной историографии, получили развитие антагонистические представления о сущности и характере междукняжеских отношений, позволяющие авторам последних обобщающих трудов на эту тему интерпретировать их либо как феодальные (М. Б. Свердлов, Л. В. Минникова⁹), либо как родовые (А. В. Назаренко, В. В. Пузанов)¹⁰. После такого странного краткого экскурса в историографию вопроса Д. А. Боровков ставит следующие задачи исследо-

⁴ Там же.

⁵ А какая теория была у них? И разве она была общей?

⁶ Так называемая «теория родového быта» формировалась не с середины XIX в., а раньше.

⁷ А как взаимоотношения княжеской власти с обществом влияли на междукняжеские отношения в рамках «земско-вечевой теории»? И почему В. И. Сергеевич указан как сторонник двух теорий? Тем более что понятие «земля» для него не было ключевым. А Н. И. Костомарова скорее стоит относить к представителям федеративной теории, помимо которой были еще областническая теория А. П. Щапова, задружно-общинная Ф. И. Леонтовича и др. Если уж на кого здесь в первую очередь стоит ссылаться, то это на М. Ф. Владимирского-Буданова и в целом киевскую научную школу, в трудах которой земско-вечевая теория получила свое окончательное оформление и самое яркое отражение. См.: *Дербин Е. Н. Земско-вечевая теория политического устройства Древней Руси и время ее возникновения // Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность. Ижевск, 2012. С. 186–192.*

⁸ Представление о междукняжеских отношениях в рамках вассалитета-сюзеренитета сложилось в 1930-е годы. И здесь на первый план необходимо ставить труды Б. Д. Грекова, а свои основные труды С. В. Юшков написал ну никак не во второй половине XX в. (Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949).

⁹ Здесь у Д. А. Боровкова ошибка. Правильно — Л. В. Минникова.

¹⁰ *Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. С. 6.* — Где Д. А. Боровков нашел у В. В. Пузанова обобщающий труд о междукняжеских отношениях, да еще интерпретирующих их как родовые? Надо же делать хоть какие-то сноски! Или соответствующие работы должен искать читатель? Пожалуйста: В. В. Пузанов не отрицает наличие в Древней Руси родовой иерархии князей, но признает, что главную роль в политической жизни того времени играли не они, а отношения между городами, «выстраивавшихся в иерархию “старших” и “младших”, под которую подстраивались и которой определялась, в значительной степени, родовая иерархия князей» (*Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 271*).

вания: «В настоящей работе мы попытались показать, почему в процессе развития междукняжеских отношений в конце X — первой четверти XII столетия представления о равноправии князей Рюриковичей сменили представления о приоритете “брата старейшего”; каким образом изменялось отношение к единовластию в Древней Руси, и выяснить, какие из историографических представлений по проблемам междукняжеских отношений могут быть актуализированы в настоящий момент»¹¹. Как это у него получилось, будет видно в конце работы. Особенно интересна последняя задача, а пока стоит рассмотреть первую главу, посвященную источникам и историографии.

Первая глава состоит из трех параграфов. Первый носит название «Обзор источников», где дан простой перечень текстов, использованных в работе, с их датировкой различными исследователями. Но какой материал для изучения междукняжеских отношений дают эти тексты источников и как, автор молчит. Что это за подход к научной исторической работе? Причем классифицируя наши источники на летописные своды, памятники агиографии и публицистики, Д. А. Боровков, видимо, даже не задумывается над жанровым разнообразием древнерусской литературы. «Слово о Законе и Благодати» Илариона или «Хождение» игумена Даниила — это надо полагать, по автору, жанры публицистики? Иностранцы же источники, привлекаемые им, столь скудны, что оценивать их не имеет смысла. Не говоря уже об отсутствии в работе любых других видов источников, особенно археологического происхождения. Узость источниковедческой базы сразу наводит на очень большие вопросы о степени репрезентативности монографии.

Второй параграф первой главы посвящен историографии XVIII — начала XX в. Автор рассматривает «основные тенденции развития историографии»¹², непонятно, правда, историографии чего. Судя по содержанию — историографии характера княжеской власти и престолонаследия, а не междукняжеских отношений. Не выявляя никаких тенденций развития историографии проблемы, автор мог бы воспользоваться моей монографией. Правда, в работе есть ссылка на нее, но судя по неправильно указанным выходным данным и страницам, даже не знаю, как автор ее читал. Кроме того, часто нарушается хронологический принцип изложения историографического материала, часто делается не лучший выбор цитируемых работ историков (есть неточности и в библиографическом их описании), нередко автор отсылает читателя к мнению историков, которые не были представлены. Есть явные ошибки в интерпретации представителей историографических направлений. Так, ни В. И. Сергеевича, ни Н. И. Костомарова, ни В. В. Пассека, ни тем более Д. И. Иловайского и М. Ф. Владимирского-Буданова нельзя считать историками славянофильского направления¹³. А вот истинных славянофилов, и притом важных для изучаемого вопроса (К. С. Аксаков, В. Н. Лешков), автор вообще не касается. Как, впрочем, он не касается многих работ историков, непосредственно посвященных междукняжеским отношениям (А. Б. Лакиер, А. Ф. Тюрин, И. В. Лашнюков, Ф. И. Леонтович, А. И. Никитский, Я. А. Голяшкин, Н. И. Аммон, Г. Г. Тельберг, Б. И. Сыромятников, С. А. Корф и др.). Но самое странное — в параграфе нет

¹¹ Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. С. 6–7.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Там же. С. 17.

характеристики взглядов М. Д. Присёлкова¹⁴, у которого автор в дальнейшем позаимствовал точку зрения на возникновение идеи «старейшинства» в Печерском монастыре¹⁵. Никаких выводов по параграфу Д. А. Боровков не делает, да и сложно было бы их сделать по представленному материалу, в котором междукняжеским отношениям уделяется мало внимания.

В третьем параграфе, посвященном историографии XX — начала XXI в., автор с еще большим упорством продолжает игнорировать взгляды историков по предмету исследования. Они практически не представлены. Перед нами отдельные выдранные цитаты из хаотично подобранных работ разных периодов, в основном об общественном строе, характере княжеской власти и престолонаследии, а за всем этим — полное смешение в кучу исследований советского периода, из чего трудно понять, что за чем следует, когда и при каких обстоятельствах писалось. Работы русских эмигрантов не рассматриваются совсем, а ведь у них есть труды с оригинальными трактовками междукняжеских отношений в Древней Руси¹⁶. В первый раз приходится слышать о школе Л. В. Черепнина, причем со странной ссылкой на работу М. Б. Свердлова, на указанных страницах которой ничего об этом не говорится. Трудно согласиться также с недоказанным тезисом автора о том, что характеристика политического строя Б. Д. Грекова на протяжении 1930–1950-х годов оставалась неизменной. За этим тезисом следует утверждение, что С. В. Бахрушин, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов поддержали его концепцию к 1940 г. (почему именно к этому году?), разделяя раньше альтернативные точки зрения (какие?)¹⁷. При этом никаких конкретных ссылок на их труды нет. А когда далее Д. А. Боровков начинает разбирать взгляды В. В. Мавродина на становление феодальных отношений, то ссылки идут на современные переиздания его работ, без указания их первых изданий. Создается впечатление, что В. В. Мавродин писал сегодня. Об анализе автором современных историков я совсем промолчу. Можно сказать, что здесь оценивать нечего.

В довершение этого историографического хаоса хотелось бы подробно представить общий вывод Д. А. Боровкова к главе, который просто поражает набором сумбурных фраз. Так, автор объявляет в качестве доминирующей в историографии XVIII — первой трети XIX в. (почему первой трети — неясно) «теорию княжеского абсолютизма» (В. Н. Татищев, М. Щербатов, А. Л. Шлёцер, Н. М. Карамзин и др.), при этом более чем странно ссылаясь на мнение А. М. Дубровского (у которого, кстати, нет указания именно на эту теорию), высказанное в работе, вообще не относящейся к предмету исследования. Далее Д. А. Боровков пишет, что «в рамках этой историографической модели существовали некоторые отклонения, так

¹⁴ *Дербин Е. Н.* М. Д. Присёлков и проблема института княжеской власти в Древней Руси. (К юбилею ученого) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып. 1. С. 12–19.

¹⁵ *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 70–71, 103–104, 119–120.

¹⁶ *Дербин Е. Н.*: 1) Проблема верховной власти в Древней Руси в трудах историков-юристов Харбинского центра русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 1. С. 18–30; 2) Проблема верховной власти Древней Руси в трудах историков белградского круга русской эмиграции (1920–30-е гг.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 5. СПб., 2016. С. 82–105.

¹⁷ *Боровков Д. А.* Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. С. 24.

как часть исследователей: 1) допускала существование примитивного демократического устройства, предшествовавшего образованию государства¹⁸; 2) выделяла феодальный фактор развития монархической государственности, рассматриваемый с политической точки зрения (И. Н. Болтин, А. Л. Шлёцер, Н. М. Карамзин, Н. А. Полевой и др.)¹⁹. В качестве маргинальных гипотез этого периода можно выделить: 1) первые попытки интерпретации междукняжеских отношений с родовой точки зрения (М. М. Щербатов); 2) представления об ограничении княжеской власти (И. Н. Болтин, частично — Н. М. Карамзин)²⁰. Как вообще можно, по мнению Д. А. Боровкова, понимать «теорию княжеского абсолютизма» как доминирующую, если все ее авторы (исключая В. Н. Татищева), оказывается, отклоняются от нее? Ничего не понимаю. Далее автор резюмирует: «В историографии этого периода сложилась традиционная периодизация русской истории²¹; сформировались устойчивые представления о двух центрах древнерусской государственности (киевском и новгородском) и т. д.». Причем об этом в главе ни слова не было сказано. И где же, спрашивается, выводы автора по историографии междукняжеских отношений?

Дальше — больше. «Начиная со второй четверти XIX в.²² получают развитие концепции, ранее имевшие статус маргинальных, на базе которых возникают новые модели социально-политического развития²³: 1. *Теория родового быта* как начального этапа развития государственных форм, в рамках которой формируются представления о коллективном характере княжеской власти²⁴ и приоритете родового старейшинства (И. Ф. Г. фон Эверс, А. Ф. М. фон Рейц, Н. Г. Устрялов²⁵, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьёв, К. А. Неволин²⁶ и др.). 2. *Теория общинно-вечевого быта*, в рамках которой постулируется взаимодействие государственного и земского начал, выраженных соответственно властью князя и властью веча²⁷, — то есть общинно-княжеский дуализм²⁸, при котором родовое старейшинство играет второ-

¹⁸ Кто так считал, не указано, да и какое это имеет отношение к предмету исследования, в очередной раз остается непонятным.

¹⁹ В чем выражался феодальный фактор, неясно. И разве все названные авторы выражали его одинаково?

²⁰ Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. С. 32–33. — Обратим внимание на два момента в приведенной цитате. По отношению к чему гипотезы «маргинальные», если о междукняжеских отношениях в рамках других теорий автор ранее не упоминал? И что значит «маргинальные»? И как это понимать — «частично»? У И. Н. Болтина, стало быть, не «частично»? И причем здесь опять же характер княжеской власти?

²¹ Какая — не указано, догадайтесь, что называется, сами.

²² Почему, где это указано в работе?

²³ Ни одна из ниже приведенных теорий не была сформулирована ранее!

²⁴ Что за характер — опять не понятно исходя из изложенного в главе.

²⁵ Он не являлся разработчиком этой теории.

²⁶ Он также не являлся твердым сторонником этой теории, отмечая отсутствие четкой системы престолонаследия.

²⁷ А вече, стало быть, государственное начало не выражало? У кого такое сказано? Напротив, и И. Д. Беляев, и Н. И. Костомаров писали о том, что княжеская власть долгое время не затрагивала внутреннее управление земли и у князей не было сознания государственного начала вплоть до принятия христианства.

²⁸ Некоторые представители этой теории (М. Ф. Владимирский-Буданов) добавляли еще княжескую думу как третий элемент верховной власти.

степенную роль²⁹ (И. Д. Беляев, Н. И. Костомаров и др.). 3. *Договорная теория*, в которой ключевым элементом междукняжеских отношений считается не родовая, а договорная связь между субъектами (Б. Н. Чичерин, В. И. Сергеевич, Д. Я. Самоквасов и др.)³⁰. В рамках этих теорий модифицируются представления о характере и форме государственности, представленной в большинстве случаев как совокупность самостоятельных территориальных единиц во главе со «старшими» (стольными) городами, являвшимися центрами племенных княжений (по Н. И. Костомарову); волостей (по В. И. Сергеевичу); земель (по М. Ф. Владимирскому-Буданову)³¹. Таким образом, в 1860-х гг. оформляется *городовая теория* (Н. И. Костомаров, И. Д. Беляев, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, В. О. Ключевский и др.)³², в рамках которой появляются специфические концептуальные особенности, такие как представление о федеративном характере государственного устройства (Н. И. Костомаров, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. К. Любавский)³³ и аналогия между общественным строем древнерусских городов и античных полисов (Н. И. Костомаров, А. Е. Пресняков и др.)³⁴. Во второй половине XIX — начале XX в. складывается такая ситуация: 1) теория княжеского абсолютизма (М. П. Погодин, Д. Я. Самоквасов, М. Д. Затыркевич, Д. И. Иловайский и др.) постепенно переходит в разряд маргинальных³⁵; 2) теория родового быта модернизируется в соответствии с теми или иными аспектами городской теории (А. Д. Градовский, И. Е. Забелин, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.)³⁶; 3) на базе родовой теории возникает гипотеза об «отчинном» принципе наследования княжеских столов (А. Е. Пресняков)³⁷; 4) представления о феодальном характере древнерусской госу-

²⁹ И. Д. Беляев, А. Ф. Тюрин, И. В. Лашнюков и многие другие так не считали. Во всяком случае, они утверждали, что после Ярослава Мудрого родовое старейшинство сохранялось какое-то время как главный принцип.

³⁰ А что эта теория говорит о «модели социально-политического развития»? Перечисленные авторы явно представляли ее по-разному. Почему именно здесь сказано только о междукняжеских отношениях, а выше надо было писать о другом? Где последовательность и единообразие структуры выводов?

³¹ А как они оценивали междукняжеские отношения? Вот было бы интересно узнать! Что касается территориальных единиц, то по Н. И. Костомарову племенные объединения сменяются землями, когда появляются главные города с пригородами, В. И. Сергеевич же и М. Ф. Владимирский-Буданов не отрицали наличие понятий «волость» или «земля» для обозначения государственной территории. Просто для каждого из них лишь одно являлось ведущим.

³² Почему «таким образом»? Что это за теория, не было сказано ни слова. Отсюда в одну кучу оказываются сваленными совершенно разнородные авторы. И почему эта теория оформляется в 1860-х годах, непонятно. Если брать взгляды И. Д. Беляева, то они формируются еще в 1840-е годы, а взгляды В. О. Ключевского вообще окончательно складываются лишь в 1880-е годы.

³³ Здесь стоит очень сильно оговориться, *когда* появляются у названных авторов, *по поводу чего*, потому как у Н. И. Костомарова взгляды менялись, а два других автора утверждали это гипотетически и по отношению к определенному периоду.

³⁴ Здесь очень неудачные примеры. Стоило прежде всего выделить взгляды М. Д. Затыркевича и А. И. Никитского. Да и вообще, о каком периоде историографии говорить в абзаце, непонятно. Н. И. Костомаров — это одно время, а А. Е. Пресняков — уже другое.

³⁵ Что это за разряд такой, не пойму. Да и не было у названных авторов такой странно-выраженной теории. А взгляды М. Д. Затыркевича здесь к чему? Он считал князей абсолютными монархами? И, опять же, где здесь характеристика междукняжеских отношений?

³⁶ Во что модернизируется теория родового быта? В соответствии с какими аспектами? Это как? И что же получается: теории М. Ф. Владимирского-Буданова и В. О. Ключевского — одно и то же?

³⁷ На какой такой базе? Автор труды А. Е. Преснякова открывал?

дарственности либо остаются маргинальными (К. Д. Кавелин, М. Д. Затыркевич), либо относятся к более поздней стадии социального развития (Н. И. Костомаров, Н. П. Павлов-Сильванский и др.)»³⁸. Да простят меня автор и все возможные способы корректного рецензирования, дальше можно читать только на пределе научной выдержки, и вежливо комментировать выводы по историографии XX — начала XXI в. я затрудняюсь.

В конце главы у автора следует стандартная для современных историков ремарка о том, что предшествующая историография «является в значительной степени результатом влияния априорных методологических установок, которые не всегда позволяют адекватно раскрыть информацию “источникового материала”; это обстоятельство заставляет нас обратиться к рассмотрению междукняжеских отношений путем текстологического анализа источников». Где-то мне эту фразу уже не раз приходилось слышать. О чем она говорит? О том ли, что предшественники не занимались анализом источников, или о том, что у современного историка не должно быть методологических установок? Или же о том, что только автору впервые пришла в голову гениальная мысль: а не обратиться ли к текстологическому анализу источников? Что тут можно комментировать? После продемонстрированного автором отношения к историографическим источникам что-то мне подсказывает, что вторую главу, посвященную особенностям становления и развития междукняжеских отношений, стоит рецензировать исходя из «априорных методологических установок». Однако первое, что сразу бросается в глаза, это присутствие в сносках множества авторов, чьи работы никак не были охарактеризованы в историографической главе (П. Г. Бутков, А. С. Клеванов, А. Ф. Тюрин, И. В. Лашнюков, Н. И. Хлебников, Е. Е. Голубинский, И. М. Ивакин, П. В. Голубовский, Д. И. Багaley, И. А. Линниченко, А. М. Андрияшев, М. С. Грушевский, М. В. Довнар-Запольский, В. Г. Ляскоронский, В. Е. Данилевич, П. А. Иванов, Г. П. Федотов, Г. В. Вернадский, И. У. Будовниц, И. И. Смирнов, С. М. Каштанов, В. Л. Янин, А. Н. Сахаров, В. Д. Королюк, А. К. Зайцев, А. Б. Головкин, А. Плахонин, Я. Н. Щапов, Г. Г. Литаврин, В. А. Кучкин, Б. А. Успенский, А. А. Гиппиус, А. С. Щавелев, А. В. Гадло, А. В. Валеров, Е. В. Пчелов, А. Ю. Карпов, Н. И. Милютенко, Т. Л. Вилкул, Д. М. Котышев, Т. В. Круглова, И. В. Петров, Ю. Гранберг, С. Франклин, Д. Шепард, М. Димник и др.), и, наоборот, отсутствие тех, о ком уже говорилось. К тому же в ходе изложения автор ссылается на огромное количество других работ историков, чьи точки зрения были представлены. Создается впечатление, что для историографии годятся одни труды историков, а для исторического исследования — другие тех же историков. Удивительно все это.

Первый параграф второй главы посвящен «цели первого “окняжения” земель и причинам конфликта Святославичей». Станным образом Д. А. Боровков начинает повествование с утверждения, «что к середине X в. род “русских князей” имел уже достаточно разветвленную структуру»³⁹, и никак не характеризует междукняжеские отношения этого времени, не говоря о предшествующем. Хотя, конечно, мы вправе ожидать такой характеристики, раз в названии главы заявлено о выяснении процесса становления междукняжеских отношений. Не могу понять, считает ли автор, что они возникли только с так называемого «первого “окняжения” земель»

³⁸ Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. С. 33–34.

³⁹ Там же. С. 36.

при Святославе в конце X в., или же то, что было до этого, никак не объясняет последующих междукняжеских отношений. Кроме того, можно только догадываться, как автор понимает понятие «окняжение». Определять его можно по-разному: как распространение на ту или иную территорию княжеских суда и дани — тем самым это постепенный процесс включения разных племен в состав Древнерусского государства; или как установление верховной феодальной собственности на землю, утверждение владетельных прав князей на нее; либо только как переход на восточнославянской территории к непосредственному управлению землей через князей-наместников рода Рюриковичей. И почему «окняжение» первое, до этого разве его не было? Понятно, что отпрыски княжеского дома Рюриковичей стремились к тому, чтобы осесть на определенной территории, но и местная аристократия, как и в целом население, были заинтересованы в таком «окняжении» своей земли. Об этом автор также ничего определенно не говорит. А замечает он следующее: «В летописной статье 970 г. мы впервые встречаемся с репрезентацией двух путей установления княжеской власти: с одной стороны, Святослав назначает (“сажает”) князей в Киев и Овруч по своему усмотрению; с другой стороны, назначение Владимира в Новгород производится по настоянию новгородцев»⁴⁰. А до этого на Руси подобных путей установления княжеской власти разве не существовало? Вывод параграфа: «Мы постарались показать, что “окняжение” земель, предпринятое Святославом в 970 г., преследовало целью не подчинение других земель Киеву, а консолидацию их в руках представителей княжеского рода, каждый из которых являлся равноправным правителем ... (т. е. установление родового совладения на землях, подчиненных Руси), а вовсе не подчинение их власти князя, правившего в Киеве, — иначе говоря, создание не “вертикальной”, а “горизонтальной” модели власти»⁴¹. Что нового в этом выводе? Не проще ли было сослаться, например, на В. О. Ключевского? С другой стороны, непонятна логика автора. Раз есть княжеский род, должны быть какие-то родовые междукняжеские отношения, взятые из предшествующих эпох. По Д. А. Боровкову же выходит, что есть княжеский род, которому подчинены восточнославянские земли, но нет никаких внутривидовых отношений, князья равноправные правители. Их отношения возникают на пустом месте и формируются вплоть до конца XI — начала XII в., т. е. более века князья были равноправны, и потом вдруг на них снизошла идея «старейшинства». Посмотрим, как это — по автору — вышло.

Во втором параграфе второй главы рассматривается династических конфликт начала XI в. между наследниками Владимира Святославича, который проводит как бы второе «окняжение» земель. По-прежнему нам непонятно, что означает для Д. А. Боровкова этот термин, помимо просто самого процесса распределения стольных городов между сыновьями князя. После, надо признать, неплохого текстологического анализа летописного материала автор опять приходит к странному выводу: «... При распределении княжений между своими сыновьями Владимир Святославич следовал практике, введенной его отцом, однако на этот раз система имела некоторые черты политической “вертикали”, поскольку сложившаяся система была обусловлена генеалогическим старшинством ее инициатора, которое, как позволяют заключить отдельные факты, все же не наделяла его непререкаемым ав-

⁴⁰ Там же. С. 37.

⁴¹ Там же. С. 39, 41.

торитетом. К 1015 г. в результате внутрисемейных конфликтов эта политическая система фактически распалась, а так как порядок наследования остался неурегулированным, это обстоятельство привело к столкновениям между его сыновьями, так как концепция о приоритете в княжеской семье «брата старейшего» еще не сложилась... В то же время мы постарались показать, что в процессе развития «коллективного совладения» в княжеском роду происходила постепенная дискредитация представления о единовластном правлении, в условиях масштабного «окняжения» земель с конца X в. ставшая своеобразной политической утопией, реализация которой была приписана Святополку I»⁴². Итак, Д. А. Боровков опять констатирует наличие княжеского рода и отсутствие определенных междукняжеских отношений даже между отцом и детьми как равными князьями, без иерархической подчиненности.

Третий параграф описывает столкновение Ярослава и Мстислава и заключение между ними так называемого «Городецкого соглашения», установившего особый политический режим, известный как «дуумвират» князей. Д. А. Боровков констатирует, что и в нем братья были равны и не наблюдалось следов наличия «братской семьи» с приоритетом брата старейшего. Это лишь поздняя летописная интерпретация. На самом деле, по автору, Городецкий компромисс — «первый шаг к распространению принципа «братского совладения» на территории «Русской земли» (в узком смысле этого географического понятия), ранее находившейся под единоличным управлением киевских князей», появившийся как правовая основа разрешения междукняжеских конфликтов⁴³.

Четвертый параграф посвящен ключевой в историографии междукняжеских отношений Древней Руси теме завещания Ярослава Мудрого, по автору — третьему «окняжению» земель, содержащемуся в «ряде» Ярослава. Поэтому Д. А. Боровков резонно прибегнул в начале к историографической справке. К сожалению, вновь приходится констатировать грубое обращение историка с историографическими принципами и неумелое выстраивание историографического материала. Представив две точки зрения исследователей на «ряд» Ярослава как на политическую реформу, направленную на упорядочивание порядка наследования и как на ординарный акт правоотношений, автор в скобках перечислил историков — сторонников этих взглядов, но затем стал раскрывать мнения только С. М. Соловьева, М. П. Погодина, В. О. Ключевского и М. С. Грушевского и почему-то их сомнения в документальной достоверности Ярославова «ряда». При этом имен данных историков в перечне сторонников означенных выше точек зрения нет. Как это понимать? Ведь взгляды данных исследователей — одни из основополагающих в историографии излагаемого вопроса. Затем в тексте параграфа возникают ссылки на С. Франклина, А. В. Поппэ, А. Г. Кузьмина, В. В. Мавродина, И. Я. Фроянова, А. Ю. Дворниченко, В. В. Пузанова, В. А. Кучкина и др., также не приведенные в первоначальном перечне точек зрения на «ряд» Ярослава. Слепые, необоснованные, несогласованные, можно сказать, первые попавшиеся в руки ссылки на тех или иных исследователей — вообще отличительная черта всей работы Д. А. Боровкова. Это, конечно, является следствием той неправильной работы с историографией, которую автор продемонстрировал в первой главе. Что касается его мнения о «ряде» Ярослава, то его ин-

⁴² Там же. С. 69.

⁴³ Там же. С. 74–75.

терпретация летописных сведений в итоге свелась к признанию провозглашенного Ярославом приоритета «старейшинства» поздней вставкой, появившейся не ранее рубежа XI–XII столетий. Само же завещание касалось только нового раздела городов. «На наш взгляд, — пишет Д. А. Боровков, — официальное провозглашение приоритета “старейшинства” при Ярославе являлось невозможным по причине того, что с формальной точки зрения приоритет принадлежал бы не Изяславу, а сидевшему в “порубе” Судиславу, который в качестве последнего представителя предыдущего поколения князей с генеалогической точки зрения являлся “старейшим в Володимери племени”. В этом случае появилось бы противоречие между теоретической доктриной и практическим положением дел, так как решение Ярослава, по существу, создало прецедент наследования киевского стола “младшим” представителем княжеской семьи (который он получил как “отчину”) в обход “старшего”»⁴⁴. Вновь Д. А. Боровков признает наличие правления княжеского рода, внутри которого князья равноправны, а в решении Ярослава видит только идею единения его сыновей, выраженную в коллективном характере принятия решений.

В пятом параграфе Д. А. Боровков задался целью проследить трансформацию «триумвирата» Ярославичей в 1060–1070-х годах, приведшую наконец к возникновению идеи «старейшинства» в междукняжеских отношениях. И здесь, когда он касается историографии отдельных вопросов, опять возникают большие проблемы. То ли я уже перестал что-то понимать, то ли автор намеренно хочет проверить внимательность читателя. На с. 97, где представлена историографическая справка о киевском восстании 1068 г., приведшем к вокняжению Всеслава Полоцкого, он утверждает, что в дореволюционной историографии сторонники общинно-вечевой теории используют эти события как один из аргументов, демонстрирующих приоритет над князем горожан и веча как органа городского самоуправления. Затем приводит другую точку зрения, ссылаясь на Н. И. Хлебникова, М. С. Грушевского и М. Н. Покровского, которые охарактеризовали выступление киевлян как «революцию». Всё бы ничего, если бы сам Д. А. Боровков в своей историографической главе на с. 21 и 23 не отнес М. Н. Покровского и М. С. Грушевского к сторонникам общинно-вечевой теории, а о Н. И. Хлебникове вообще ничего не сказал. В заключение параграфа автор приходит к долгожданному выводу (не раз в течение работы озвученному), что доктрина о приоритете «старейшинства» в междукняжеских отношениях родилась после династического конфликта 1073 г. в недрах Печерского монастыря и развивалась устами Феодосия. Мысль эта, как известно, не нова. Ее обосновал в свое время еще М. Д. Приселков, как мной было отмечено выше (об этом, кстати, Д. А. Боровков и здесь не говорит). И в отличие от уважаемого предшественника он не объясняет, откуда эта мысль взялась у Феодосия, настаивая лишь на том, что «в широкое употребление она вошла не раньше рубежа XI–XII вв.»⁴⁵. Прецедентом же послужил междукняжеский акт 1077 г., по которому Всеволод Ярославич уступил Киев старшему брату Изяславу, так как был знаком с идеями Печерского монастыря, «будучи переяславским князем, и, по свидетельству летописца, составившему княжеский некролог под 1093 г., был подвержен посторонним влияниям»⁴⁶. Вот это «истинно» научное доказательство! И далее сам

⁴⁴ Там же. С. 93.

⁴⁵ Там же. С. 114.

⁴⁶ Там же. С. 116.

же автор признает, что осведомленность Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха о приоритете «старейшинства» в действительности не мешала им действовать неоднозначно. Об этом — следующий параграф, имеющий характерное название «“Двойные стандарты” отчинного принципа наследования волостей».

Откуда взялся «отчинный принцип», сразу не ясно. Зато в начале параграфа опять натыкаешься на странное заявление о том, что изгнание в 1077 г. Глеба Святославича из Новгорода является первым проявлением политической самостоятельности новгородского населения в деле замещения княжеского стола⁴⁷. А как же приглашение Владимира в 970 г. в Новгород по настоянию новгородцев, о котором сам автор писал выше? Это не проявление самостоятельности? Или киянам приглашать Всеслава было возможно, как и черниговской общине демонстрировать политическую самостоятельность в 1077 г., когда правителем города стал Борис Вячеславич⁴⁸, а новгородцы, выходит, особенные, как и Волынская земля, где усиление политической самостоятельности местного населения, по автору, происходит лишь в конце XI в., причем почему-то «скрытное»⁴⁹. Вообще, на протяжении всей работы не ясна позиция Д. А. Боровкова относительно соотношении власти князя и веча, хотя почти только об этом написана историографическая часть работы. Противоречит себе автор и в утверждениях на с. 119, когда утверждает, что практика второй половины XI в. красноречиво свидетельствует о непослушании племянников «старейшим» князьям, и на с. 121, когда пишет о Ярополке Изяславиче, который, зная о приоритете «старейшинства», вряд ли стал бы добиваться киевского стола силой у Всеволода Ярославича, а на с. 124 заявляет, что он в 1085 г. все-таки стал готовить выступление против него. На с. 127 я окончательно перестал понимать автора, когда он заявил об обладании генеалогическим приоритетом («старейшинством») Ярополка Изяславича по отношению к своим племянникам, но не могущим им воспользоваться на практике и вынужденным обращаться за помощью к Всеволоду Ярославичу в Киев — как к политическому арбитру в междукняжеских спорах. Так использовался ли принцип «старейшинства» на практике, или нет? По поводу Любечского съезда, где этот принцип был обойден вниманием, Д. А. Боровков заявляет, что «сама доктрина еще находилась в процессе формирования» и «приобрела статус полноценной политической доктрины только в XII веке» (хотя на протяжении всей работы говорилось о рубеже веков), тогда как принцип «отчинный» уже сформировался и поэтому его признание на съезде не является новацией⁵⁰. Не понимаю, почему автор считает, что теоретический принцип «старейшинства» рожден доктринально в Печерском монастыре и практика его лишь долго упрочивала, а теоретический принцип «отчины» должен был быть рожден практикой, причем очень быстро⁵¹. Выходит, как я понимаю, во второй половине XI в. одновременно формировалось два разных принципа замещения столов, один теоретически, другой рожденный на практике? А до этого никакого принципа не было, ибо все князья были равноправны? О третьем же принципе — участии в междукняжеских

⁴⁷ Там же. С. 118.

⁴⁸ Там же. С. 120.

⁴⁹ Там же. С. 127.

⁵⁰ Там же. С. 140–141.

⁵¹ Там же. С. 126–127, 129–130, 137.

отношениях и замещении столов городских общин — автор априори заявляет, что он вырос лишь в самом конце XI в., и не объясняет, почему именно тогда⁵².

Последний параграф работы посвящен событиям, последовавшим за Любечским съездом и установлению гегемонии Владимира Мономаха. Автор приходит к выводу, что стремление Мономаха к лидерству среди русских князей, опирающееся на «отчинное» право, вступало в противоречие с принципом «старейшинства» среди внуков Ярослава, и поэтому именно в период его киевского княжения он исчезает из письменной традиции. «Тем не менее сам принцип не был отменен и после смерти Мономаха на протяжении четырнадцати лет (1125–1139) использовался для последовательной передачи киевского стола по старшинству уже в его собственной семье, что позволяет говорить лишь о временном кризисе доктрины в его княжение»⁵³. Правда, Д. А. Боровков в очередной раз не объясняет логики своих выводов, поэтому понять его часто нелегко. Это касается и общего вывода по главе, где простым возрастом общего количества членов княжеского рода объясняется появление «необходимости упорядочивания междукняжеских отношений по иерархическому принципу, выраженному в традиционных родовых понятиях»⁵⁴. Что за понятия? Где об этом в работе сказано? Остается только догадываться. Те же пассажи — в общем заключении работы, состоящем из одной страницы: «Подводя итоги, следует отметить, что междукняжеские отношения на Руси (применительно к периоду 970–1125 гг.) могут быть охарактеризованы как родовые, но в более мягкой форме, чем это предполагается в рамках родовой теории»⁵⁵. Что за «мягкая форма»? Нигде в работе автор не характеризовал междукняжеские отношения как родовые!

Как оценить данную работу Д. А. Боровкова? В ней есть, конечно, свои положительные стороны. Автор порой смело разрешает мелкие вопросы, касающиеся, например, того, кто из князей, где и когда княжил. Но чаще ссылается на мнение А. А. Шахматова, и доверяет ему априори, или на текстологические реконструкции других исследователей. Таким образом, работа выглядит как умелая компиляция из источниковедческих заключений многих исследователей. Она больше походит на отличную магистерскую диссертацию, но никак не на большой, серьезный научный труд, претендующий на «новое рассмотрение вопроса о сути междукняжеских отношений». Главное же замечание вызывает историографическая часть монографии. Можно ли столь безалаберно относиться к историографии? Представленную в книге хаотичную сводку фамилий историков и их не всегда обоснованных мнений можно было бы — куда ни шло — привести во введении к исторической части работы, обозначив тем самым: да, читал, труд написан не на пустом месте, но ведь в самой работе большинство этих мнений вообще никак не используется. Зачем же было делать отдельную главу? На худой конец всегда можно сослаться на имеющиеся историографические труды по изучаемой проблеме, и претензий было бы меньше. Зачем же так открыто демонстрировать свое невежественное отношение к историографии? В общем рецензируемая монография лишней раз доказывает ценность историографических работ, которыми должны заниматься специалисты.

---

⁵² Там же. С. 138–139.

⁵³ Там же. С. 155.

⁵⁴ Там же. С. 161.

⁵⁵ Там же. С. 163.

И последнее. Несмотря на острую критику, хотелось бы поддержать автора на продолжение своих исследований. Задатки, продемонстрированные в конкретно-исторической и текстологической частях его работы, оставляют хорошее впечатление. Вообще трудно найти историка, способного одинаково профессионально заниматься историографией и собственно историей. И потом, как говорил мудрый С. Ф. Платонов (в письме к М. А. Дьяконову), когда от него ждали и даже требовали скорого докторства: «Пишутся книги разные, и одна книга не делает де репутации человека, если она и слаба, а репутация ученого слагается суммой его работ»⁵⁶.

References

- Akademik S. F. Platonov. *Perepiska s istorikami*. In 2 vols. Moscow, Nauka Publ., 2003, vol. 1, 388 p. (In Russian)
- Borovkov D. A. *Vladimir Monomakh, kniaz'-mifotvorets*. Moscow, Lomonosov Publ., 2015, 240 p. (In Russian)
- Borovkov D. A. *Mezhdukniazheskie otnosheniia na Rusi kontsa X — pervoi chetverti XII veka i ikh reprezentatsiia v istochnikakh i istoriografii*. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2016, 232 p. (In Russian)
- Borovkov D. A. *Taina gibeli Borisa i Gleba*. Moscow, Veche Publ., 2009, 320 p. (In Russian)
- Derbin E. N. *Zemsko-vechevaia teoriia politicheskogo ustroistva Drevnei Rusi i vremia ego vozniknoveniia. Sotsial'naia mobil'nost' v traditsionnykh obshchestvakh: istoriia i sovremennost'*. Izhevsk, Udmurt University Press, 2012, pp. 186–192 (In Russian)
- Derbin E. N. *Institut kniazheskoi vlasti na Rusi IX — nachala XIII veka v dorevoliutsionnoi otechestvennoi istoriografii*. Publishing House “Udmurt University”, 2007, 268 p. (In Russian)
- Derbin E. N. M. D. Prisyolkov i problema instituta kniazheskoi vlasti v Drevnei Rusi. (K iubileiu uchenogo). *Vestnik of Udmurt University. History and Philology*, 2012, issue 1, pp. 12–19. (In Russian)
- Derbin E. N. Problema verkhovnoi vlasti v Drevnei Rusi v trudakh istorikov-iuristov Kharbinskogo tsentra russkoi emigratsii. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, 2016, issue 1, pp. 18–30.
- Derbin E. N. Problema verkhovnoi vlasti Drevnei Rusi v trudakh istorikov belgradskogo kruga russkoi emigratsii (1920–30-e gg.). *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh*. Issue 5. K 80-letiiu professora Igoria Iakovlevicha Froianova. St. Petersburg, [s.n.], 2016, pp. 82–105. (In Russian)
- Prisyolkov M. D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 248 p. (In Russian)
- Puzanov V. V. *Drevnerusskaia gosudarstvennost': genesis, etnokul'turnaia sreda, ideologicheskie konstrukty*. Izhevsk, Udmurt University Press, 2007, 624 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 7 августа 2017 г.

Рекомендована в печать 28 декабря 2017 г.

⁵⁶ Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 29.